

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2008 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/77/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2008 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
Дело “АХИЯДОВА ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба № 32059/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

3 июля 2008 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

1 декабря 2008 года

По делу «Ахиядова против России»
Европейский Суд по правам человека (Первая секция), Палатой в составе:

Кристос Розакис, *Председатель*,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Хаджиев,
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс,
Джарджио Малинверни, *судьи*,
и Сёрен Нильсен, *секретарь Секции*,
заседая при закрытых дверях 12 июня 2008 года.

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№32059/02) против Российской Федерации в соответствии со Статьей 34 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданской России, г-жой Эсилой Султановной Ахиядовой, 12 августа 2002 года.

2. Заявительнице была предоставлена правовая помощь, и ее интересы в Суде защищали юристы организации «Правовая инициатива по России», НПО с центральным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации (далее - «Правительство») представлял г-н П. Лаптев, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека и в последствии новый представитель государства г-жа В.Милинчук.

3. Заявительница утверждала, что ее родственники исчезли после того, как были задержаны военнослужащими в Чечне 13 февраля 2002 года. Она жаловалась по Статьям 2, 3, 5, 13 и 14.

4. Решением от 7 июня 2007 года Суд признал жалобу приемлемой.

5. После консультаций со сторонами Суд принял решение не проводить слушаний по существу делу (Правило 59 § 3 *мелким шрифтом*), стороны дали письменные ответы на замечания друг другу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявительница родилась 1981 году и проживает в Махкеты, Веденский район, Чеченской Республики.

A. Исчезновение Магомеда и Харона Хумаидовых

1. Позиция заявителей

7. Заявительница была замужем за г-ном Магомедом Хумаидовым, 1977 года рождения. У них была дочь, Седа Хумаидова, 2002 года рождения. Семья вместе со своей дочерью и отцом Магомеда Хумаидова г-ном Хароном Хумаидовым, 1932 года рождения, жили в селе Махкеты, улица Клубная, дом 28.

8. 13 февраля 2002 года, около 11:00 утра, группа вооруженных людей в военной камуфляжной форме и масках ворвалась в дом Хумаидовых. Как отмечает заявительница, это были федеральные военнослужащие.

9. Хумаидовы были в тот момент в доме. Вооруженные люди не предъявили документов, удостоверяющих личность, или иных документов, обосновывающих их действия. Они обыскали дом и без объяснений задержали мужа и свекра заявительницы. Хотя Магомед и Харон Хумаидовы были только в брюках и рубашках, им не было позволено взять свою верхнюю одежду. Вооруженные люди посадили их в военный автомобиль УАЗ без регистрационных номеров и доставили на базу Федеральной службы безопасности («ФСБ») в селе Хатуни.

10. Многие жители села Махкеты видели задержание мужа заявительницы и ее свекра.

11. 29 июля 2002 года «Новая газета» сообщила о вышеописанных событиях в своей статье «Поточное производство врагов».

2. Позиция государства

12. Согласно мнению Генеральной прокуратуры Российской Федерации, было установлено, что около 11 часов утра 13 февраля 2002 года неизвестные вооруженные люди в камуфлированной форме ворвались в домовладение Хумаидовых и похитили Магомеда и Харона Хумаидовых. Местонахождение исчезнувших мужчин не установлено.

B. Поиск заявительницей Магомеда и Харона Хумаидовых

1. Позиция заявителей

13. Сразу после задержания Магомеда и Харона Хумаидовых заявительница и другие родственники поехали на базу ФСБ в Хатуни, попросили сообщить информацию об отце и сыне Хумаидовых и попытались передать им теплую одежду. Несколько офицеров ФСБ по именам либо прозвищам Дамир, Шамиль, Дима и Тимур Ярулин говорили с ними. Они отказались принять одежду, но пообещали, что Хумаидовы будут вскоре освобождены. Позже те же офицеры сказали, что Магомед и Харон Хумаидовы были отправлены на федеральную военную базу в Ханкале, но отказались дать еще какие-либо объяснения.

14. Начиная с 13 февраля 2002 года заявительница неоднократно лично и письменно обращалась в различные органы власти, включая прокуроров разных уровней, федеральное и региональное министерства внутренних дел, административные власти Чеченской Республики, Специального представителя Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике, депутата Государственной Думы и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Ее усилия были поддержаны организациями Human Rights Watch («HRW») и «Правовая инициатива». В своих письмах властям заявительница и неправительственные организации детально описывали обстоятельства задержания Магомеда и Харона Хумаидовых, ссылаясь на показания очевидцев, которые видели, как Хумаидовы были доставлены на базу ФСБ в Хатуни, и просили содействия и информации о ходе расследования. В большинстве случаев их запросы оставались без ответа, либо были получены лишь формальные уведомления о передаче писем в другие прокуратуры для рассмотрения.

15. В апреле 2002 года заявительница провела две недели около базы ФСБ в Хатуни. Ее попытки получить какую-либо информацию о пропавших родственниках оказались безуспешны, так как федеральные военнослужащие отказывались отвечать на ее вопросы.

16. 5 июля 2002 года районная прокуратура выдала заявительнице документ, подтверждающий, что 18 июня 2002 года было начато расследование в связи с похищением Магомеда и Харона Хумаидовых «неустановленными военнослужащими» в селе Махкеты.

17. 18 июля 2002 года прокуратура Чеченской Республики направила заявление заявительницы в связи с исчезновением ее родственников для рассмотрения в районную прокуратуру.

18. Письмом от 22 июля 2002 года Администрация Чеченской Республики сообщила заявительнице, что ее заявление передано в районную прокуратуру, прокуратуру Чеченской Республики, отдел внутренних дел Веденского района (далее - «РОВД») и Управление внутренних дел МВД РФ по Чеченской республике.

19. 15 августа 2002 года прокуратура Чеченской Республики сообщила заявительнице, что 18 июня 2002 года было возбуждено уголовное дело №73040 по факту похищения Магомеда и Харона Хумаидовых «неустановленными военнослужащими».

20. Письмом от 20 августа 2002 года районная прокуратура уведомила заявительницу, что в ходе расследования было установлена причастность военнослужащих 45ого полка к похищению мужа и свекра заявительницы, поэтому 22 июля 2002 года уголовное дело было передано военной прокуратуре войсковой части №20116, расположенной в Шали, для проведения дальнейшего расследования. В письме указывалось, что уголовное расследование было впоследствии приостановлено в связи с невозможностью установить предполагаемых преступников.

21. 23 августа 2002 года РОВД сообщил заявительнице, что 18 июня 2002 года было возбуждено уголовное дело №73040 по факту похищения Магомеда и Харона Хумаидовых неустановленными военнослужащими.

22. Письмом от 4 сентября 2002 года аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации сообщил заявительнице, что ее жалоба на неэффективное расследование похищения ее родственников была передана в Генеральную прокуратуру РФ. Эта прокуратура направила жалобу заявительницы в Управление Генеральной прокуратуры РФ в Южном федеральном округе 17 сентября 2002 года.

23. 8 октября 2002 года прокуратура Чеченской Республики сообщила заявительнице об основных процессуальных шагах, предпринятых в связи с исчезновением ее мужа и свекра, в частности, указала, что уголовное дело, возбужденное 18 июня 2002 года и затем приостановленное 18 августа 2002 года, было возобновлено 30 августа 2002 года, и что дело было передано в районную прокуратуру для дальнейшего расследования. Заявительнице было предложено направлять последующие запросы в районную прокуратуру.

24. 18 ноября 2002 года «Правовая инициатива», действуя от имени заявительницы, написала запрос в районную прокуратуру относительно хода расследования похищения Магомеда и Харона Хумаидовых. В ответ «Правовая инициатива» получила написанное от руки сообщение, в котором указывалось, что уголовное дело №73040 было возбуждено 18 июня 2002 года и приостановлено 18 августа 2002 года.

25. 11 марта 2003 года Веденский районный суд Чеченской Республики по ходатайству заявительницы признал ее мужа, Магомеда Хумаидова, безвестно отсутствующим лицом, подтвердив, что 13 февраля 2002 года Магомед Хумаидов был увезен военнослужащими в масках и затем исчез. Суд основывал свой вывод *inter alia* на показаниях свидетелей г-на А.и г-жи С., жителей села Махкеты и родственником Хумаидовых.

26. 17 апреля 2003 года «Правовая инициатива» направила запрос в районную прокуратуру с просьбой признать заявительницу потерпевшей по уголовному делу №73040 и предоставить ей копию соответствующего постановления. В ответе от 10 июня 2003 года районная прокуратура указала, что запрошенный документ не может быть направлен «Правовой инициативе», так как указанная организация не относится к категории тех, которым согласно национальному законодательству надлежит выдавать подобные документы, и что заявительнице следует обратиться в

районную прокуратуру для получения копии постановления о признании потерпевшей. В письме указывалось, что материалы уголовного дела №73040 были уничтожены в результате пожара здания прокуратуры в декабре 2002 года, и принимаются меры для их восстановления.

27. 14 февраля 2004 года военная прокуратура Объединенной группировки войск (сил) (далее - «прокуратура ОГВ(с)») направила жалобу заявительницы относительно задержания и исчезновения ее родственников в военную прокуратуру войсковой части 20116 (далее - «военная прокуратура») с указанием провести проверку по жалобе заявительницы. В отсутствие какого-либо ответа на письмо от 14 февраля 2004 года прокуратура ОГВ(с) пересылала копии жалобы заявительницы дважды, 9 и 27 апреля 2004 года, и требовала сообщить о результатах их рассмотрения.

28. Двумя идентичными письмами от 8 мая и 4 июня 2004 года военная прокуратура уведомила заявительницу, что проведена проверка по ее жалобам и было установлено, что в соответствующее время военнослужащими войсковых частей и подразделений, поднадзорных данной прокуратуре, не проводились специальные операции, никакие граждане не задерживались и не доставлялись в правоохранительные органы. В письмах заявительнице предлагалось в дальнейшем обращаться по территориальности в районный отдел внутренних дел или районную прокуратуру.

29. 10 ноября 2004 года «Правовая инициатива» запросила районную прокуратуру о ходе расследования и проведенных мероприятиях.

30. 24 декабря 2004 года прокуратура Чеченской Республики ответила, что обращение «Правовой инициативы» было рассмотрено и что «по указанным фактам возбуждены уголовные дела».

31. Письмом от 22 июля 2005 года прокуратура Чеченской Республики направила запрос заявительницы об установлении местонахождения ее родственников для рассмотрения в районную прокуратуру.

2. Информация, предоставленная Правительством

32. 18 июня 2002 года прокуратурой района было возбуждено уголовное дело по факту задержания и исчезновения Магомеда и Харона Хумаидовых по ч.2 статьи 126 Уголовного кодекса России (похищение человека при отягчающих обстоятельствах). Уголовному делу был присвоен номер 73040.

33. 18 августа 2002 года уголовное дело №73040 было приостановлено в связи с неустановлением лиц, причастных к преступлению.

34. 17 декабря 2002 года материалы дела №73040 были уничтожены в пожаре в результате атаки боевиков на здание районной прокуратуры и временного отдела внутренних дел Веденского района («ВОВД»).

35. 27 октября 2003 года районная прокуратура признала заявительницы потерпевшей по уголовному делу №73040 и уведомила ее об этом постановлении соответствующим образом.

36. 18 октября 2004 года районная прокуратура вынесла постановление о восстановлении утраченного уголовного дела №73040. В тот же день дело принято к производству и заявительницу уведомили об этом постановлении соответствующим образом.

37. 20 октября 2004 года районная прокуратура поручила РОВД провести необходимые следственные мероприятия.

38. 27 октября 2004 года заявительница была признана потерпевшей по делу и допрошена.

39. Расследование было приостановлено 18 ноября 2004 года и 13 октября 2005 года, а затем возобновлено 13 августа и 20 октября 2005 года.

40. В период с 15 по 17 августа 2005 года районная прокуратура допросила троих свидетелей, исполняющего обязанности главы администрации села Махкеты, невестку заявительницы и соседка заявительницы.

41. 18 августа 2005 года властями был проведен осмотр места происшествия в доме заявительницы, но не было найдено никаких имеющих отношение к делу доказательств.

42. Прокуратура района направила ряд запросов в различные государственные органы в период с 20 октября по 3 ноября 2004 года, а также с 15 по 28 августа 2005 года. Районная военная комендатура, Веденский районный отдел ФСБ и Министерство внутренних дел Российской Федерации сообщили, что они не проводили никакие специальные операции в окрестностях села Махкеты с 10 по 15 февраля 2002 года и не задерживали отца и сына Хумаидовых.

43. 28 августа 2005 года районная прокуратура направила запросы о содержании Магомед и Харона Хумаидовых в следственных изоляторах Чеченской Республики. Никакой информации о нахождении в СИЗО родственников заявительницы не было получено.

44. Уголовное дело было возбуждено районной прокуратурой. Следствие не смогло установить личности виновных или определить местонахождение родственников заявительницы. Предположения заявительницы, что Магомед и Хааров Хумаидовы были задержаны военнослужащими 45-го полка, никакими доказательствами не были обоснованы или подтверждены.

45. Несмотря на специальные запросы, дважды сделанные Судом, Правительство отказалось предоставить копии всех материалов расследования по делу №73040, указав, со ссылкой на информацию, предоставленную Генеральной прокуратурой, что расследование продолжается и что предоставление документов противоречит требованию статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса, так как дело содержит информацию военного характера и личные данные участников уголовного судопроизводства.

46. Правительством были предоставлены лишь некоторые документы, включая:

(а) копию постановления о возбуждении уголовного дела от 18 июня 2002 года в связи с исчезновением родственников заявительницы 13 февраля 2002 года;

(б) копии постановлений от 18 августа 2002 года и 20 октября 2005 года о приостановлении и возобновлении расследования по факту исчезновения родственников заявительницы;

(с) копию постановления от 18 декабря 2002 года о возбуждении уголовного дела в связи со взрывом на территории ВОВД, приведшего к уничтожению имущества;

(д) копии постановлений следователей от 18 октября 2004 года и 13 августа 2005 года в отношении дела №73040;

(е) копию письма от 18 октября 2004 года, уведомляющего заявительницу о восстановлении материалов дела №73040;

(ф) копию письма от 13 мая 2005 года, информирующего заявительницу, что 15 августа 2005 года расследование дела №73040 было возобновлено.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

47. См. обобщенное изложение применимых норм национального законодательства в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, №40464/02, § 67-69, от 10 мая 2007 г.

ПРИМЕНИМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

48. Правительство утверждает, что жалоба должна быть признана неприемлемой в связи с неисчерпанием внутригосударственных национальных средств правовой защиты. Оно утверждало, расследование похищения Магомеда и Харона Хумаидовых еще не закончено. Далее оно утверждало, что у заявительницы имеется возможность в судебном порядке обжаловать любые действия или бездействие следственных и иных правоохранительных органов; однако, она не прибегла к данному средству правовой защиты. Оно также утверждало, что заявительница могла подать гражданский иск в суд, но она не сделала этого.

49. Заявительница оспорила это возражение и настаивала, что у нее не было эффективным средств защиты на внутригосударственном уровне.

B. Оценка Суда

50. В настоящем деле Суд не принял на стадии приемлемости никакого решения относительно исчерпания внутригосударственных средств защиты, сочтя, что этот вопрос тесно связан с существом дела.

Далее Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики Суда (см. их обобщенное изложение в деле *Estamirov and Others v. Russia*, № 60272/00, § 73-74, от 12 октября 2006 г.).

51. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправовых и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеется два пути восстановления нарушенных прав, а именно – гражданское или уголовное судопроизводство.

52. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Само по себе рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого расследования и не способно в отсутствие результатов следствия по уголовному делу привести к установлению виновных в совершении убийств или похищений людей, а тем более привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005 года, и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявительница не была обязана подавать гражданский иск. Таким образом, предварительное возражение в этой части отклоняется.

53. Что касается уголовно-правовых средств защиты, Суд отмечает, что заявительница обратилась с жалобой в правоохранительные органы сразу же после задержания Магомеда и Харона Хумаидовых и что следствие по делу продолжается с 18 июня 2002 года. Мнения заявительницы и Правительства в отношении эффективности следствия расходятся.

54. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства вызывает сомнения с точки зрения эффективности расследования уголовного дела, что тесно связано с существом жалоб заявительницы. Поэтому Суд полагает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

II. ОЦЕНКА СУДОМ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

A. Доводы сторон

55. Согласно утверждениям заявителей, не подлежит сомнению на разумных основаниях тот факт, что лица, которые увели Магомеда и Харона Хумаидова были представителями государства. В доказательство своих заявлений, она ссылаясь на ответы из официальных государственных органов, подтверждающих, что ее родственники были похищены «неустановленными военнослужащими». Заявительница также указывала, что Государство отказалось предоставить материалы

уголовного дела №73040, потому что в них имеются «сведения, которые позволяют установить дислокацию и характер действий воинских и специальных формирований».

56. Государство подтвердило, что 13 февраля 2002 года неизвестные лица в камуфлированной форме вооруженные автоматами похитили Магомеда и Харона Хумаидовых. Оно далее заявляло, что следствие по этому случаю было возбуждено, что нет доказательств, что указанные люди были представителями государства и что, таким образом, нет оснований считать Государство ответственным за предполагаемое нарушение прав заявительницы. Оно также заявляло об отсутствии убедительных доказательств того, что родственники заявительницы были убиты, так как их местонахождение не установлено и их тела не были обнаружены.

В. Оценка фактов дела Судом

57. Суд ссылается на ряд выработанных им общих принципов относительно установления фактов в случае спора и, в особенности, в случае заявлений об исчезновении в контексте Статьи 2 Конвенции (краткое описание этих принципов см. в решении по делу *Bazorkina v. Russia*, №69481/01, §§ 103-109, от 27 июля 2006 года). Суд также отмечает, что необходимо принять во внимание поведение Сторон при сборе доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января 1978, Series A № 25, стр. 64-65, § 161). В свете этого и с учетом вышеназванных принципов Суд считает, что из поведения Правительства можно сделать выводы относительно обоснованности утверждений заявительницы. Поэтому Суд переходит к рассмотрению ключевых элементов настоящего дела, которые должны быть приняты во внимание при установлении того, следует ли считать родственников заявительницы умершими и можно ли отнести их смерть на счет действий властей.

58. Заявительница утверждала, что лица, которые увели Магомеда и Харона Хумаидовых 13 февраля 2002 года, были представителями Государства.

59. Суд отмечает, что изложенная заявительницей версия событий подтверждена ее заявлениями, свидетельскими показаниями и внутренним расследованием. В своих обращениях к властям заявительница постоянно указывала на то, что ее родственники были задержаны неизвестными военнослужащими, и просила следствие рассмотреть эту версию (см. выше параграф 14 выше). Более того, свидетели ссылались на использование военных машин УАЗ и заявляли, что сразу после похищения Магомед и Харон Хумаидовы были доставлены на базу ФСБ (см. параграф 13 выше). Прокуратура района установила, что к похищению были причастны «неизвестные военнослужащие» и направила материалы уголовного дела в военную прокуратуру для рассмотрения дела по существу (см. параграф 20 выше).

60. Суд считает тот факт, что большая группа вооруженных людей в форме беспрепятственно передвигалась на военной технике и арестовала двух человек в их собственных домах, убедительно подтверждающим

версию заявителей о том, что это были сотрудники государства. Эта версия событий рассматривалась и следствием, которое предприняло ряд шагов по проверке причастности силовых структур к задержанию. Следствию не удалось установить, какие именно военные подразделения или службы безопасности проводили операцию, но, по-видимому, серьезные шаги в этом направлении не предпринимались.

61. Суд отмечает, что в случае, когда заявитель делает утверждение *prima facie*, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь. Таким образом, бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представляет достаточных аргументов, то встает вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и/или Статьи 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, №27601/95, § 95, от 31 мая 2005 года и *Akkum and Others v. Turkey*, №21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

62. Учитывая вышеназванные элементы, Суд считает установленным, что заявительница представила достаточно серьезные доказательства того, что ее родственники были задержаны представителями государства. Утверждение Правительства о том, что следствием не установлена причастность силовых структур к похищению, является недостаточным и не освобождает Правительство от упомянутого выше бремени доказывания.

63. С 13 февраля 2002 года заявительница не получала достоверных сведений об своих родственниках. Их имена отсутствовали в журналах регистрации лиц, содержащихся под стражей. И, наконец, Правительство не представило каких-либо объяснений того, что произошло с ними после ареста.

64. Исходя из целого ряда дел относительно исчезновений людей в Чеченской Республике, которые были рассмотрены Судом ранее (см. помимо прочего, *Imakayeva v. Russia*, цит. выше, и *Luluyev and Others v. Russia*, №69480/01, ECHR 2006 ... (выдержки)), Суд заключает, что в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Магомеда и Харона Хумаидовых и каких-либо сведений о них в течение нескольких лет подтверждают данное предположение.

65. По вышеозначенным причинам Суд считает не вызывающим сомнений на разумных основаниях тот факт, что родственники заявительницы должны считаться умершими после их не признаваемого властями задержания сотрудниками государства.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

66. Заявительница жаловалась на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что ее родственники исчезли после задержания российскими военнослужащими и что государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Предполагаемое нарушение права на жизнь Магомеда и Харона Хумаидовых

67. Заявительница настаивала на своей жалобе и указывала, что ее родственники были задержаны сотрудниками государства и должны считаться умершими по причине отсутствия достоверных сведений о них в течение нескольких лет.

68. Правительство ссылалось на тот факт, что следствием не было получено доказательств смерти указанных лиц или причастности представителей федеральных силовых структур к их похищению или предполагаемому убийству.

69. Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов государства, но и окружающие обстоятельства (см. помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 года, серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147 и *Avşar*, цит. выше, § 391).

70. Судом уже установлено, что родственников заявительницы следует считать умершими после их не признаваемого властями задержания сотрудниками государства и что ответственность за их смерть несет государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражения агентами государства Суд считает, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Магомеда и Харона Хумаидовых.

В. Предполагаемая неадекватность расследования обстоятельств похищения

71. Заявители утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. Она отметила, что расследование было начато с опозданием, что оно неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, так что производство основных следственных действий затягивалось, а заявительница не получала должного уведомления о важнейших принимаемых следствием мерах. По ее мнению, еще одним доказательством неэффективности расследования было то, что оно продолжалось так долго и не дало ощутимых результатов. Заявительница призвала Суд сделать соответствующие выводы из необоснованного отказа Правительства предоставить ей или Суду материалы уголовного дела.

72. Правительство утверждало, что следствие по исчезновению родственников заявительницы соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку принимались все предусмотренные законом меры к установлению лиц, совершивших эти преступления.

73. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции подразумевает проведение в какой-либо форме эффективного официального расследования случаев гибели людей в результате применения силы. Судом выработан ряд руководящих принципов, которые должны быть соблюдены при проведении расследования, чтобы оно соответствовало требованиям Конвенции (краткое описание этих принципов см. в постановлении по делу *Bazorkina v. Russia*, цит. выше, §§ 117-119).

74. В настоящем деле было проведено расследование по факту похищения. Суд должен оценить, соответствовало ли расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

75. Суд вначале отмечает, что Правительство не предоставило большинство материалов дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

76. Суд отмечает, что следственные органы были немедленно оповещены заявительницей о преступлении. Не смотря на это, уголовное дело было возбуждено только спустя четыре месяца после похищения. Данная задержка сама по себе не могла не повлиять на эффективность расследования такого преступления, как похищение человека при угрожающих жизни обстоятельствах, где критически важные действия должны быть предприняты в первые же дни после случившегося.

77. Как следует из нескольких документов, предоставленных Правительством, ряд определяющих следственных мероприятий были отсрочены и проведены только после коммуникации жалобы государству-ответчику, или не проведены вовсе. В частности, заявительницу признали потерпевшей спустя двенадцать месяцев после преступления. Допрос некоторых свидетелей и опрос места происшествия были осуществлены только в августе 2005 года, то есть более чем через три года после

похищения Магомеда и Харона Хумаидовых. Очевидно, что эти меры могли привести к ощутимому результату лишь в том случае, если бы были предприняты сразу после сообщения властям о преступлении и возбуждения уголовного дела. Эти задержки, которым в данном случае нет объяснений, не только демонстрируют нежелание государства действовать по собственной инициативе, но являются нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, № 46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

78. Суд также отмечает, что хотя заявительницу признали потерпевшей, ее лишь информировали о приостановлении и возобновлении производства по делу, но не сообщали о других значимых событиях и результатах. Поэтому следственные органы не обеспечили требуемого уровня общественного контроля над ходом расследования и законных интересов ближайших родственников.

79. Правительство в контексте исчерпания внутригосударственных средств защиты упоминало о том, у заявителей имелась возможность обжаловать действия органов предварительного следствия в суд. Суд отмечает, что заявительница, не имея доступа к материалам уголовного дела и не владея информацией о ходе расследования, не могли эффективно оспаривать действия или бездействия властей перед судом. Как бы то ни было, эффективность расследования была подорвана уже на самых ранних стадиях, поскольку власти не предприняли необходимых и не терпящих отлагательства следственных действий; по-видимому, не было предпринято каких-либо серьезных следственных действий, что бы можно было надеяться на его успех. Поэтому Суд делает вывод, что упомянутое Правительством средство правовой защиты было при таких обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства о том, что заявительница не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты в контексте уголовного расследования.

80. В свете вышесказанного Суд отклоняет предварительное возражение Правительства о том, что заявительница не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты в контексте уголовного расследования и считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения Магомеда и Харона Хумаидовых, что является нарушением процессуальной части Статьи 2.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

81. Заявительница также ссылаясь на Статью 3 Конвенции, утверждая, что в результате исчезновения ее родственников и непроведения государством добросовестного расследования этого события она испытывала душевные страдания, что является нарушением Статьи 3 Конвенции. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

82. Правительство не согласилось с этими заявлениями на том основании, что отсутствуют данные, свидетельствующие о том, что родственники заявительницы были похищены представителями государства, не было оснований жаловаться на нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий заявителей. Что касается уровня душевных страданий заявительницы в связи с исчезновением ее родственников, то, по мнению Правительства, не доказано вне разумных сомнений и не может быть объективно установлено, так как представляет собой психологические аспекты, такие как эмоции и личные свойства характера личности.

83. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального стресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, по. 25656/94, § 358, 18 июня 2002 года; и *Imakayeva*, цит. Выше, § 164).

84. По данному делу Суд отмечает, что заявительница является близкой родственницей исчезнувших мужчин. Она присутствовала при их задержании. У нее нет новостей о них на протяжении более чем пяти лет. В этот период заявительница обращалась в различные органы власти с запросами о членах своей семьи, как лично, так и письменно. Несмотря на ее попытки, она не получила приемлемого объяснения или информации о том, что произошло с ними после задержания. Ответы, полученные заявительницей, преимущественно отрицали ответственность государства или просто информировали ее о том, что расследование продолжается. Указанные выше выводы Суда о процедурных аспектах Статьи 2 также имеют отношение и к данному вопросу.

85. Ввиду изложенного, Суд считает, что заявительница перенесла страдания и продолжает страдать от тревоги и душевных переживаний, в результате исчезновения членов ее семьи и ее неспособности выяснить, что с ними произошло. То, каким образом власти обращались с ее жалобами, должно считаться представляющим собой бесчеловечное обращение, нарушающее Статью 3.

86. Поэтому Суд приходит к выводу о том, что в отношении заявительницы имеет место нарушение Статьи 3.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

87. Далее заявительница утверждала, что Магомед и Харон Хумаидовы были задержаны в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

88. По мнению Правительства, следствием не было получено доказательств, подтверждающих, что Магомед и Харон Хумаидовы были задержаны в нарушение гарантий, установленных Статьей 5 Конвенции. Они не значились в списках лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

89. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также отмечалось, что не признаваемое властями задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, № 25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г., и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

90. Суд считает установленным, что Магомед и Харон Хумаидовы были задержаны представителями государства 13 февраля 2002 года, и с

тех пор их не видели. Их задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо списках о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения о их дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы лицам скрыть свою причастность к преступлению, скрыть следы и уйти от ответственности за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с главной целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

91. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявительницы на то, что ее родственников задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в отношении Статьи 2, и в частности, характер ведения следствия не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по их защите от риска исчезновения.

92. Следовательно, Суд считает, что Магомед и Харон Хумаидовы подверглись не признаваемому властями задержанию и были лишены гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

93. Заявительница жаловалась на то, что была лишена эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

94. Правительство утверждало, что заявительница имела эффективные национальные средства правовой защиты, как того требует статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали ей в использовании этих средств. Правительство ссылалось на Статью 125 Уголовно-Процессуального Кодекса РФ, согласно которой участник уголовного процесса может жаловаться в суд на действия, предпринимаемые в ходе расследования. Это считалось эффективным средством, гарантирующим права заявителей. Заявительница ни разу не воспользовалась этим средством, которое инициируется участниками уголовного процесса, и, следовательно, отсутствие судебного рассмотрения дела не составляет нарушение Статьи 13.

95. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни и за противоречащее Статье 3 обращение, что в частности предполагает фактический доступ истца к процессуальным действиям, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, №38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Süheyla Aydın v. Turkey*, №25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183).

96. Из этого следует, что при подобных обстоятельствах настоящего дела, когда расследование дела, возбужденного по факту похищения при угрожающих жизни событиях было неэффективным, что подрывало эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

97. Следовательно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции.

98. Что касается ссылок заявительницы на нарушение Статьи 3 Конвенции, Суд отмечает, что признает нарушение вышеназванного положения в части душевных страданий заявительницы в результате исчезновения ее мужа и свекра, ее неспособности выяснить, что с ним произошло, и отношения властей к ее жалобам. Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в части поведения властей, вызвавшего душевные страдания заявительницы. Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

99. Что касается утверждений заявительницы о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд повторяет, что в силу сложившейся практики, когда более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают и перекрывают собой требования Статьи 13, а также в свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5 Конвенции в результате не признаваемого властями задержания, Суд не находит оснований рассматривать отдельно вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции в обстоятельствах данного дела.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

100. Заявительница жаловалась, что подверглась дискриминации при осуществлении своих прав, защищаемых Конвенцией, утверждая, что названные нарушения были связаны с тем, что она проживает в Чечне, и с ее чеченским этническим происхождением. Это противоречит Статье 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

101. Правительство оспорило этот аргумент, утверждая, что заявительница никогда не подвергалась дискриминации по какому бы то ни было признаку при пользовании правами и свободами, признанными Конвенцией.

102. Суд отмечает, что в его распоряжение не было предоставлено доказательств, которые свидетельствовали бы об ином обращении с заявительницей, нежели с другими людьми в аналогичной ситуации, без объективных и рациональных причин, а также доказательств того, что заявительница когда-либо обращалась с подобной жалобой к российским властям. Поэтому Суд находит, что по данной жалобе нет нарушения Статьи 14 Конвенции.

VIII. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 34 И СТАТЬИ 38 § 1 (a) КОНВЕНЦИИ

103. Заявители утверждали, что непредставление Правительством документов, запрошенных Судом на стадии коммуникации, указывает на несоблюдение обязательств, налагаемых Статьей 34 и Статьей 38 § 1 (a) Конвенции. Соответствующие части этих Статей гласят:

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Статья 38

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия; ...»

104. Суд повторяет, что процедура рассмотрения жалоб определенного типа не всегда подразумевает применение принципа в силу которого лицо, заявляющее о нарушении, обязано доказать выдвинутые обвинения и что чрезвычайно важным для эффективной работы системы индивидуальных обращений, предусмотренной Статьей

34 Конвенции, является то, что государства должны создать все необходимые условия для надлежащего и эффективного рассмотрения жалоб.

105. Данное обязательство требует от Высоких Договаривающихся Сторон создания всех необходимых условий для Суда, независимо от того, проводит ли он расследование по установлению фактических обстоятельств дела или выполняет свои функции по рассмотрению жалоб. Особенностью процедуры, связанной с делами, по которым индивидуальные заявители обвиняют представителей Государства в нарушении их гарантированных Конвенцией прав, является то, что иногда только Государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть данные обвинения. Непредставление Правительством такой имеющейся у него информации без удовлетворительного объяснения, может не только привести к заключению о том, что обвинения заявителя хорошо обоснованны, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком его предусмотренных Статьей 38 § 1 (а) обязательств. В деле, когда жалоба поднимает вопрос об эффективности расследования, документы уголовного расследования являются чрезвычайно важными для установления фактов, и их отсутствие может воспрепятствовать надлежащему рассмотрению жалобы Судом, как на стадии приемлемости, так и на стадии рассмотрения по существу (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], №23763/94, § 71, ECHR 1999-IV).

106. Суд замечает, что он несколько раз просил Российское Правительство предоставить копии всех материалов уголовного дела, возбужденного в связи с исчезновением мужа и свекра заявительницы. Доказательства, содержащиеся в деле, рассматривались Судом как решающие для установления фактов по настоящему делу.

107. Правительство утверждало, что оно не может предоставить все материалы уголовного дела №73040, так как возбужденное дело было уничтожено в ходе пожара. Суд считает в таких обстоятельствах, что Правительство не могло быть ответственно за невозможность предоставить запрошенные материалы уголовного дела, которые относились к ходу расследования в период с 18 июня по 17 декабря 2002 года. Тем не менее, тот факт, что некоторые документы были утрачены в 2002 году, не объясняет, почему материалы, которые должны были обязательно включены в уголовное дело в течение следующих лет расследования, не были предоставлены Суду.

108. Правительство отказалось предоставить большую часть документов из уголовного дела и ссылалось на статью 161 Уголовно-Процессуального Кодекса.

109. Суд отмечает, что Правительство не просило о применении Правила 33 § 2 Регламента Суда, разрешающего ограничение принципа публичности в отношении подаваемых в Суд документов по законным основаниям, таким, как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересы правосудия. Далее Суд отмечает, ссылаясь на целый ряд своих постановлений, что положения Статьи 161

УПК не запрещают предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации (см. *Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, § 104, от 26 января 2006 года, и *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006 ... (выдержки)). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

110. Ссылаясь на важность сотрудничества государства-ответчика с Судом в ходе рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения Конвенции, Суд отмечает, что в данном случае имеет место нарушение предусмотренного Статьей 38 § 1 (а) Конвенции обязательства предоставления всех необходимых Суду материалов, касающихся исчезновения Магомеда и Харона Хумаидовых.

111. В связи с указанным выше, Суд заключает, что нет необходимости поднимать отдельное рассмотрение по Статье 34.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

112. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Возмещение материального ущерба

113. Заявительница потребовала возмещения ущерба за потерю заработков Магомеда Хумаидова с момента его похищения и последующего исчезновения. Она указывала, что ее муж содержал ее и младшую дочь, и хотя Магомед Хумаидов был безработным на момент задержания, было бы разумно предполагать, что он мог бы найти работу и получать, по крайней мере, минимальную официально принятую зарплату. Заявительница запросила компенсацию в размере 765 тысяч 265 рублей 54 копеек (приблизительно 21 000 евро). Ее расчеты основывались на "Ogden tables", т.е. таблицах, разработанных для исчисления компенсации при несчастных случаях и случаях нанесения личного оскорбления Страховым Департаментом Правительства Великобритании в 2004 году.

114. Правительство сочло эти требования необоснованными, потому что не считает доказанным, что Магомед Хумаидов был убит представителями государства. Оно также заявляло, что размер ущерба должен рассчитываться с использованием методов, предусмотренным российским законодательством, а не при помощи Ogden tables.

115. Суд повторяет, что между требуемой заявительницей компенсацией и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Учитывая сделанные выше выводы, несомненно, существует прямая причинно-следственная

связь между нарушением Статьи 2 в отношении мужа заявительницы и потерей заявительницей финансовой поддержки, которую он мог бы обеспечить. Принимая во внимание объяснения заявительницы и тот факт, что Магомед Хумаидов нигде не работал на момент его похищения, Суд присуждает заявительнице компенсацию материального ущерба в размере 5 000 евро плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального ущерба

116. Заявительница запросила 80 000 в качестве компенсации морального ущерба в связи с тем, что потеряла своего мужа и свекра и так же в результате того, что власти не провели расследования жалоб и не давали информации о судьбе ее родственников.

117. Правительство посчитало требования заявительницы завышенными.

118. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в отношении не признаваемого властями задержания и исчезновения родственников заявительницы. Сама заявительница была признана жертвой нарушения Статьи 3 Конвенции в отношении перенесенных ею душевных страданий. Поэтому Суд признает, что ей был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает заявительнице 70 000 евро плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

119. Интересы заявительницы в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Они предоставили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, поданных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников «Правовой инициативы». Они также запросили 663.50 евро в возмещение административных расходов, 1 144.35 евро в возмещение оплаты за переводы и 90.57 евро в возмещение оплаты международной почты. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 10 918.42 евро.

120. Правительство оспорило разумность и оправданность запрашиваемых сумм. Также Правительство утверждало, что требования заявителей о выплатах были подписаны шестью юристами, три из которых не упоминаются в доверенностях, поданных заявителями.

121. Суд отмечает, что заявители подали доверенности, подписанные на имя организации «Правовая инициатива» и ее трех юристов. Требования заявителей о справедливом возмещении были подписаны шестью лицами. Имена трех из них указаны в доверенностях, в то время как другие три юриста сотрудничают с «Правовой инициативой». В таких

обстоятельствах Суд не видит причин сомневаться в юридической силе требований заявителей о справедливом возмещении издержек и расходов.

122. Суду предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями и являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others, cit. выше, § 220*). Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако Суд отмечает, что в деле фигурировало очень мало подтверждающих документов в связи с отказом Правительства предоставить большинство материалов уголовного дела. Поэтому Суд сомневается в необходимости проведения исследовательской работы в объеме, указанном представителями.

123. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и принимая решение на равноправной основе, Суд присуждает им 6 000 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс НДС, если он начисляется на данную сумму, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

124. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Магомеда и Харона Хумаидовых;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств, при которых исчезли Магомед и Харон Хумаидовы;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Магомеда и Харона Хумаидовых;
6. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в части заявленных нарушений Статьи 2 Конвенции;
7. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 и 5;
8. *Постановляет*, что не было нарушения статьи 14 Конвенции;
9. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции в части отказа Правительства предоставить запрошенные Судом документы;

10. *Постановляет*, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу о нарушении Статьи 34 Конвенции;

11. *Постановляет*

(a) что государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, когда решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:

(i) 5 000 евро (пять тысяч евро), в качестве компенсации материального ущерба заявительнице в российских рублях по курсу на дату выплаты плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;

(ii) 70 000 евро (семьдесят тысяч евро), в качестве компенсации морального вреда заявительнице в российских рублях по курсу на дату выплаты плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;

(iii) 5 150 евро (пять тысяч сто пятьдесят евро), в счет возмещения издержек и расходов; подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

10. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявительницы о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 3 июля 2008 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен (Секретарь), Кристос Розакис (Президент)